

От веротерпимости к свободе совести: формирование правового института религиозной свободы в Российской империи (конец XIX - начало XX века)

(Доклад на круглом столе «Институционализация прав человека в условиях модернизации государства и правовой системы России в начале XX века». Заседание семинара НУГ «Институционализация прав человека в России» 6 декабря 2013 г.)

В современной научной литературе наблюдается устойчивый интерес к проблеме реализации гражданских прав и свобод в Российской империи. В перечне проблем, поддерживающих накал дискуссий, находится вопрос о кризисе имперской вероисповедной системы на рубеже XIX – XX вв. и способности российского общества адаптироваться к современным реалиям религиозной жизни.

Важным показателем кризиса вероисповедной системы империи явилась нестабильность этноконфессиональной структуры общества, осложнявшаяся неравноправием конфессий в осуществлении религиозной деятельности, а также гражданским и политическим неравноправием, обусловленным конфессиональной принадлежностью. Неравноправие в религиозной сфере, укорененное в традиции государственной и общественной жизни России, более не отвечало современным задачам развития государства, формируя оппозиционные настроения в отношении монархии даже в среде вполне лояльного слоя верующих (старообрядцы, мусульмане и др.).

Понимание кризиса вероисповедной системы империи объединило различные общественные силы (представителей религиозных конфессий, светского общества, бюрократии), которые предлагали свои варианты выхода из «тупика», проявившиеся в общественных дискуссиях, публикациях в печати, откликах виднейших представителей Православной церкви и иных исповеданий, проектах политических партий, законодательных инициативах правительства и Государственной думы.

Правовые и общественно-политические издания начала XX в. публиковали значительное количество статей, разъясняющих содержание свободы совести и оценивающих российское законодательство с точки зрения возможностей для её осуществления. Заметный вклад в формирование представлений российского об-

щества и правительственной бюрократии о свободе совести внесли ученые-юристы, принадлежавшие к либеральному направлению отечественной юридической науки.

Необходимо отметить влияние на российскую общественную мысль исторического опыта и правовой традиции стран Западной Европы и США, осуществлявших переход от конфессионального государства к светскому, начиная с конца XVII в. На Западе движение в пользу установления свободы совести являлось составной частью более широкого процесса перехода к демократии. Большинство конституционных актов, гарантировавших свободу вероисповедания и устанавливавших равенство прав граждан вне зависимости от их религиозной принадлежности, принимались либо в ходе буржуазных революций (Великой французской революции 1789 г., Бельгийской революции 1830 г., европейских революций 1848-1849 гг.), либо в комплексе с мерами, обеспечивавшими демократизацию общества и государства. В итоге, к концу XIX столетия веротерпимость, как основа религиозного законодательства, сохранялась, не считая Российской империи, только в двух европейских регионах – Скандинавии и на Пиренейском полуострове.

Основы российской вероисповедной системы были заложены в XVIII – первой половине XIX в. Этот период явился временем мощного территориального роста России, превращения ее в имперское полиэтничное и поликонфессиональное государство. Проведенная в 1897 г. Первая Всероссийская перепись населения позволила получить точные сведения о численности лиц различных вероисповеданий. Из 125,7 млн. человек обоего пола (без Финляндии) православных насчитывалось около 70% населения, старообрядцев – около 2 %; не включая единоверцев, причисленных к православным, католиков – 8,3%, протестантов – 3%, прочих христианских исповеданий – 0,9%, магометан – 11%, иудеев – 4,1%, язычников – 0,05%.

Действуя в условиях усложнявшейся национально-конфессиональной конфигурации Российской империи, правители XVIII-XIX вв. осуществляли поиск правовых форм общественного устройства, позволявших, включая в состав

империи новые народы, сохранять господствующее положение титульной (русской) нации и Русской православной церкви. Религиозные скрепы явились основой единства обширной многонациональной Российской империи, важным фактором ее социальной стабильности, позволяя, с одной стороны, интегрировать в состав империи новые этнические группы, включить их в рамки имперской системы государственного управления, с другой, ограждать интересы русской нации и противостоять тенденции к расширению влияния наций и народностей «подчиненных».

Возникновение новых религиозных движений, выросших не на почве нации (народности), а на основе духовных потребностей общества, государством не приветствовалось и строго пресекалось: религиозная терпимость распространялась лишь на исторически сложившиеся национальные группы. В правовом отношении вероисповедная система империи строилась по принципу православного конфессионализма, в соответствии с которым законодательно закреплялись преимущества Русской православной церкви перед другими вероисповеданиями, ее монопольное право на пропаганду своего вероучения, привилегированное положение в различных областях государственной и общественной жизни, поощрение переходов в Православие из других вероисповеданий и др.

Важно отметить, что практика признания государственной церкви имела место и в других странах. Так, в Англии на протяжении длительного времени законодательно ограничивались права католиков. Они платили налог в пользу Англиканской церкви и не могли занимать государственные должности. Запрет на участие католиков в парламентских выборах был отменен только в 1829 г. В скандинавских странах закон оставлял за рамками политической жизни всех, кто не принадлежал к государственной церкви. В Дании в 1866 г., а в Швеции в 1868 и 1873 гг. были приняты законы против деятельности свободных церквей, отстаивавших независимость от господствующей лютеранской церкви. В Швеции закон о свободе вероисповеданий, уравнивший свободные церкви в правах с государственной, был принят только в 1951 г.

Направление конфессиональной политики Российской империи на каждом отдельном историческом отрезке формировалось с учетом личности монарха, занимавшего престол, его мировоззрения, культуры, воспитания, проводимого им внутри- и внешнеполитического курса. В целом можно утверждать, что внутренняя политика большинства царствований в той или иной мере соответствовала принципу веротерпимости. Вместе с тем задача создания конфессионально единообразной империи, от которой российские монархи принципиально не отказывались, нередко приводила к принятию дискриминационных мер в отношении неправославных конфессий.

В XIX в. окончательно устанавливается тесная взаимосвязь правовой системы с господствующей религией, а основным источником права, содержащим нормы по защите религии и церкви, становится светское законодательство. Складывается особый вид уголовно-правовой охраны религии, характерными чертами которой стала «полицейская опека над религиозной жизнью общества и охрана не религиозной свободы, а религиозных устоев государства, прав и привилегий господствующей церкви».

В итоге, к началу XX в. на окраинах Российской империи скопился значительный контингент людей, лишенных нормальной религиозной жизни и недовольных вероисповедной политикой правительства. Неравноправный статус различных конфессий, ограничение гражданских и политических прав подданных на основе религиозной принадлежности стали отталкивать от правительства людей, даже вполне лояльно к нему относившихся, переключали религиозное брожение в форму социального и политического протеста. В период Первой русской революции необходимость расширения религиозной свободы провозглашалась в значительной части программ политических партий. Границы указанной свободы понимались различно, что предопределило высокий накал дискуссий по конфессиональным вопросам в период разработки законопроектов, нацеленных на реализацию свободы совести в министерствах, Государственной думе и Государственном совете Российской империи.

Проблема реформирования церковно-государственных отношений, активно обсуждавшаяся обществом в начале XX века, привлекала внимание и высшей бюрократии России. Так, председатель Комитета министров Н.Х. Бунге еще в 1890-х гг. ставил на первый план «вопрос о введении широкой веротерпимости». Дядя царя московский генерал-губернатор Сергей Александрович высказал сочувствие церковным реформам весной 1903 г. в ходе разговора с митрополитом Петербургским и Ладужским Антонием (Вадковским), считавшимся человеком либеральных взглядов. Министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский на аудиенции у императора 25 августа 1904 г. по случаю своего утверждения в должности говорил о веротерпимости и свободе совести как о важных составляющих своей программы реформ и получил поддержку Николая II, сказавшего, что «это всегда были его воззрения».

Отношение последнего российского императора к религиозной свободе – вопрос достаточно дискуссионный. В ходе реформирования вероисповедной системы империи неизбежно бы встал вопрос о положении РПЦ, ставшей за два века синодального строя важной частью системы государственного управления. Изменение принципов управления РПЦ могло повлечь за собой «цепную реакцию» реформирования других звеньев политической системы государства. Все это представляло опасность для самодержавия.

Тем не менее, император понимал актуальность религиозного вопроса и признавал необходимость улучшить религиозный быт своих неправославных подданных. В Манифесте 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» содержалось обещание «укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской». Идеи Манифеста 1903 г. были развиты в указе Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», подписанном 12 декабря 1904 г. Новелла Указа 12 декабря 1904 г. состояла в намерении власти изменить правовой статус старообрядцев, о которых Манифест 26 февраля 1903 г. даже не упоминал. В условиях переживаемого страной внутривластного кризиса власти решились поддержать старо-

обрядцев. Так, участвовавший в составлении Указа 12 декабря С.Ю. Витте отзывался о старообрядцах как о «наиболее преданной русским началам и православию в правильном смысле слова части русского народа».

Серьезные расхождения в подходах к вопросу о расширении религиозной свободы и реформе государственно-церковных отношений проявились в период разработки Указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Последовательным противником реформирования вероисповедной системы России выступил К.П. Победоносцевым. Вот как он оценивал заседания Комитета министров, на которых рассматривались вопросы вероисповедных реформ: «Заседания Комитета суть пытка... Слышны только безумные речи людей, не желающих знать ни истории, ни народа..., провозглашающих только какую-то голую свободу, стремящихся в несколько часов разрушить вековые учреждения, установленные для ограждения ценности государства и внутреннего порядка». В изданной ранее статье «Свобода совести и терпимость» Победоносцев утверждал, что «безусловная свобода совести обращается на деле в свободу насилия и преследования и служит не к водворению мира, но к распространению злобы и ненависти между гражданами».

Однако увещевания обер-прокурора Синода уже не оказали определяющего влияния на императора. 15 апреля 1905 г. управляющий делами Комитета министров Э.Ю. Нольде представил Николаю II проект указа Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», а 17 апреля 1905 г. указ был подписан.

Анализ содержания Указа 17 апреля 1905 г. показывает, что в Российской империи была установлена ограниченная свобода вероисповеданий, которую можно определить, как свободу выбора религии и свободу отправления религиозных обрядов. Весомым результатом принятия указа следует признать юридическое закрепление права личности на вероисповедные переходы в рамках христианских исповеданий, а также допущение отпадения от православия лиц, числящихся в нем формально, а на деле исповедовавших свою старую религию, в одну из нехристианских вер.

Важное значение для развития правосознания российского населения имела связанная с разработкой и принятием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» религиозная амнистия – облегчение участи лиц, отбывавших наказания по религиозным преступлениям: освобождение их из тюрем, снижение сроков наказаний и др. Большой резонанс в общественных кругах вызвала также либерализация правоприменительной практики и отмена целого ряда административных распоряжений, стеснявших свободу вероисповедания.

Вместе с тем Указ «Об укреплении начал веротерпимости» полностью не разрешал насущных вопросов религиозной жизни Российской империи, как и всего спектра проблем, связанных с установлением вероисповедной свободы. Он не допускал внеконфессионального состояния подданных, не устанавливал правового паритета между признанными государством вероисповеданиями, сохраняя приоритетные позиции Русской православной церкви по многим направлениям религиозной деятельности.

При всех критически оцениваемых результатах, религиозные реформы начала XX в. существенно расширили сферу религиозной свободы в России, став одной из основ формирующегося гражданского общества, а также трансформации Русской православной церкви в независимый от государства общественный институт.

Либеральная модель реформирования вероисповедного законодательства была реализована с приходом к власти Временного правительства в 1917 г. Его постановлениями гражданам Российского государства обеспечивалась свобода совести, свободный переход из одного вероисповедания в другое, отменялись ограничения в правах за религиозные убеждения, узаконивалось внеконфессиональное состояние.